

ходе же от сказки к повести и роману именно финал — константа волшебного сюжета — подвергается наибольшей модификации.

Дополнительное испытание факультативно для сказки, обнаруживается далеко не во всех текстовых вариантах и, следовательно, его отсутствие в «Повести» не может быть признано той самой особенностью, которая принципиально отличает рассматриваемую структуру от стадильно соответствующего ей архетипа (тем более, что у дополнительного испытания, как будет видно, есть эквивалентная сюжетная замена). Аннулирование же финальной семейной ситуации нужно воспринимать в качестве отличия более высокого порядка. В мифе, из которого выростала сказка, «тема женитьбы была второстепенной, а добывание мифических (космических) и ритуальных объектов или приобретение духов-хранителей... выступало на первом плане».⁵⁵ Постоянство сказочного финала, таким образом, отражало противопоставление сказки архаическому мифу; благодаря этому сказка была отделена от мифологической конструкции. На следующем этапе, с появлением нового жанрового образования, именно этот конститутивный элемент сказочной структуры и был разрушен. Повесть и роман, выделяясь в самостоятельные явления, отвергли доминантный признак волшебного сюжета, который в свое время принял на себя функцию индикатора, отчленил сказку от мифа. Ниже будет показано, что в дальнейшем своем развитии тот тип повествования, который был генерирован сказкой, мог вновь возрождать (хотя и не регулярно) финальную брачную тему. Но присущая сказке ценностная ориентация, намеченная в движении сюжета от вредительства к женитьбе, уже была ослаблена. В ходе художественного процесса сказочная праструктура изменилась так, что герою была предоставлена значительная свобода выбора в приобретении разнообразных ценностей (не обязательно семейных).

Чем же была заменена брачная тема в «Повести о Савве Грудцыне»? Заключительную серию эпизодов открывает болезнь Саввы, последовавшая за его отъездом из-под Смоленска. В финальной комбинации мотивов болезнью предваряются: новое перерождение Саввы, чудо Казанской богородицы,⁵⁶ избавление героя от бесовского наваждения. Болезнь, как легко убедиться, равнозначна временной смерти сказочного героя, которого оживляют мертвой и живой водой, после чего он добывается руки царевой дочки. Тема регенерации очень важна как для сказки, так и для ее реалистических филиалов — романа и повести. Но в отличие от сказки, где эта тема влечет за собой компенсацию социально-обездоленного и перерождение низкого героя в царского зятя, в «Повести» она подчинена задачам христианской идеологии. Во сне к Савве является Богородица, а после ее явления Савва, преображенный, избавленный от бесовских преследований, получает назад свое «богоотметное рукописание» и заканчивает жизнь благочестивым иноком Чудова монастыря. Уход из мирской жизни как терапевтический акт, как излечение страстей и душевных недугов — архаичный мотив, широко распространенный в мировой культуре.⁵⁷ Но он не имеет сказочного семантического оттенка. Сказка, наоборот, подчеркивает мирской успех героя, его личную удачу.

⁵⁵ Там же, стр. 89.

⁵⁶ Ср.: солдат в Белоозерской сказке, записанной бр. Соколовыми (№ 43), ставит в «часовеньке» Казанской божьей матери свечу, после чего спасается от бесов (Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белоозерского края. М., 1915).

⁵⁷ См.: А. Я. Сыркин. О сравнительной вероятности некоторых типологических параллелей. — III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы Доклады. Тарту, 1968, стр. 16.